

ТЕНЬ ВОРОНА

Анастасия
Дёмина

Румперия. По ту сторону Нави. Славянское фэнтези

Анастасия Дёмина

Тень ворона

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дёмина А.

Тень ворона / А. Дёмина — «Эксмо», 2026 — (Румперия. По ту сторону Нави. Славянское фэнтези)

ISBN 978-5-04-247384-5

Тьма опускается на некогда цветущий Бряжск. Через пять дней в город войдет безжалостный атаман по прозвищу Змей, чтобы силой взять в жены прекрасную царевну Елену – вместе с ее царством, преданным малодушным отцом. Но смириться с такой судьбой готова не каждая: верная служанка Аксинья открывает Ивану, потерявшему отца от рук разбойников, великую тайну. В глухой лесной чаще растет волшебный дуб – врата в иной мир, полный чудес, испытаний и древней силы. Лишь тот, кто сумеет пройти все его испытания, получит шанс изменить ход истории. Для Ивана это не только возможность отомстить, но и надежда спасти Елену, друзей и все Беловодье от власти Змея. Сумеет ли простой юноша бросить вызов безжалостному атаману и победить тьму?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247384-5

© Дёмина А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	8
Глава 1	15
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анастасия Дёмина Тень ворона

Серия «Румперия. По ту сторону Нави. Славянское фэнтези»

Иллюстрация на обложке *Wismut*

Художественное оформление *Марии Фроловой*

© Дёмина А., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Чернота находила на небо, и если бы не низкие облака, с запада еще подсвеченные розовым золотом, Радимир уже насчитал бы на нем с десяток звезд.

Он чертыхнулся сквозь зубы и тут же инстинктивно схватился за крестик на шее, намоленный еще бабкой. Та хоть и была немощна на ногу и почти ослепла к старости, успела перед своим вечным упокоением накрепко вбить в голову упрямому внуку, как это глупо – собственными устами подзывать нечистую силу, когда и без нее беда уже на пороге. Или затаилась в тени, а их в этом дремучем лесу было больше, чем листьев на всех его вековых дубах.

Радимир закрыл глаза и с силой провел шершавой, мозолистой ладонью по лицу, напоследок от души дернув себя за спутанную бороду, совсем отбившуюся от рук за время этого похода.

«Опять моя Мила будет целый месяц меня мишкой косолапым звать».

Перед его внутренним взором встал образ молодой жены, как она, крепко прижимая одну руку к едва проглядывающему под складками сарафана округлившемуся животу, второй без усталости махала ему вслед, пока последняя повозка не скрылась за холмом.

Но Радимир решительно прогнал образ из головы. Если он хочет вернуться к любимой и их будущему малышу, необходимо собраться с мыслями и отринуть все, что могло отвлечь от охраны вверенного ему царского обоза.

Бросив прощальный взгляд на дорогу, где через пару-тройку верст впереди стояла их пограничная застава, Радимир вдавил пятки в бока верного Инея, названного так за суровый нрав, не признающий ничьих приказов, кроме хозяина да его жены, и за светло-серую, серебристую в лунном свете шерсть. Довольно всхрапнув – жеребец был небольшим любителем мерного обозного шага, – Иней быстро нагнал первую повозку и едущих по бокам от нее всадников.

Первым на звук копыт обернулся Павел, старший сын Макара, одного из лучших купцов Беловодья и доброго друга Радимира еще с тех времен, когда он с отцом Переславом ходил в свои первые обозы простым дружинником. Павел с младых лет сопровождал отца во всех странствиях за заморскими диковинами, и Радимир наблюдал воочию, как нескладный худощавый отрок вытягивается непокорным тростником ввысь, чтобы потом практически за одну зиму обзавестись широченными плечами на страх любому дверному проему. После чего Радимир не выдержал и в прошлом году позвал двадцатилетнего молодца к себе правой рукой. Макар, ставший тому свидетелем, захохотал так, что едва не свалился с облучка, а затем притворно погрозил Радимиру пальцем, что он-де у него первенца увести надумал. Павел, зардевшись под светлым пушком на щеках, отблагодарил обозного главу за честь и доверие, но отказался, сказав, что продолжит дело отца. Сам Макар, тихонько посмеиваясь в смоляные усы, поймал взгляд Радимира, с вызовом кивнул на сидящего сбоку от себя шестнадцатилетнего юнца:

– А Федора, значит, к себе не пригласишь?

– Чтоб он всех моих дружинников заставил письменный счет вести до последнего медяка? Да их половина потом при виде любой березы трясушка бить будет! – не моргнув глазом, отбил Радимир. И подмигнул ненадолго оторвавшему нос от стопки берестяных грамот среднему сыну купца, давая понять, что не желал его обидеть.

Федор действительно был не по годам серьезным и дотошным, что вкупе с цепким умом, помнящим каждую цифру, зоркими глазами, безошибочно находящими с одного беглого взгляда лучший товар, и подвешенным языком, способным уболтать на выгодную сделку самого матерого торговца, делало его прирожденным купцом и отцовским любимцем. И мамкиным тоже, судя по любовно возвращенной с детства тучной фигуре.

Но у Радимира еще оставалась надежда переманить к себе младшего сына Ивана. Если средний Федор черными кудрями, молочной кожей и коренастым телосложением пошел в отца, то Иван рос точной копией старшего Павла, который, в свою очередь, уродился в деда по матери, светловолосым, веснушчатым и статью воистину богатырской. Мальчишке только-только исполнилось четырнадцать годков, а он уже слегка перерос среднего брата. К тому же, в отличие от Павла, особого интереса к торговому ремеслу не проявлял, в обозы ходил, чтоб мир посмотреть, скуку домашнего уюта развеять да медяков на всякие невинные глупости заработать, выполняя мелкие поручения отца и обозного главы.

Вот и сейчас Радимир встретился с искрящимися любопытством карими глазами юнца, бездельно болтающего ногами на крае облучка передней повозки, и сказал, кивая себе за спину:

– Пробегишь, предупреди всех с конца, что саженой через тридцать будем на ночлег устраиваться.

Иван с готовностью кивнул, ловко спрыгнул вбок, чтобы не попасть под колеса, и помчался по краю дороги назад, отмахивая длинными ногами с две трети сажени зараз.

– Давно пора, – крикнув, высказался царский дружинник Глеб, вместе с Павлом возглавлявший обоз. – Государь не любит долго в повозке сидеть, ноги сводит.

Брови Павла едва заметно дрогнули к переносице, но купеческий сын, несмотря на молодость, уже успел поднабраться достаточно опыта в общении с людьми всех родов и важности, чтобы мгновенно слепить на лице выражение любезного внимания. Так и Радимир, изобразив подобающую пристыженность, поднес руку к сердцу и слегка поклонился заносчивому гридю¹.

После чего переглянулся с Павлом. Тот знал, что на этом отрезке обратного пути до границ Беловодья Радимир обычно гнал обоз, не жалея ни коней, ни колес, ни нежных седалищ купцов и их подручных, лишь бы добраться до надежных высоких стен пограничной крепости. Но царь переворошил привычный распорядок, не пожелав и помыслить о том, чтобы выехать из последней заставы приморских соседей на рассвете, и потом весь день через своих слуг отмахивался от осторожных предложений обозного главы прибавить шаг.

Если бы не бабкина наука, Радимир бы уже сотню раз проклял прошедшую зиму, выдавшуюся на редкость малоснежной, а весну и начало лето – за невиданную жару, из-за чего всегда полноводная Белица, давшая название их землям своими известковыми берегами, так сильно обмелела, что местами проплыть по ней на большой лодке стало невозможно. И государь, приглашенный к приморскому соседу на сватанье наследника, вынужден был отправиться в путь вместе с купеческим обозом по дорогам, которые – сколько слоев ковров повозку ни застилай – все равно заставят всеми косточками пересчитать каждую колдобину и яму.

Вздыхнув, Радимир покосился на Павла и одобрительно прищурился: молодец держался настороже, подобравшись в плечах, прислушивался к каждому шороху и пристально поглядывал по сторонам.

Чего нельзя было сказать о Глебе, рассеяннo моргающем осоловевшими за долгую дорогу глазами. Привыкший, что в мирном стольном граде Бряжске наибольшую опасность для него представлял редкий воришка да сорвавшийся с крыши воинственный кот, гридь даже посреди мрачной чащи, с трудом пробитой насквозь узкой лентой дороги, вел себя вальяжно. Неизвестно, доходили ли до него слухи об орудующей в местном пограничье шайке безжалостных грабителей или он просто не допускал и мысли, что те осмелятся пойти против дворцовой дружины.

Но Радимир, наоборот, считал, что для уверенных в своей безнаказанности разбойников царский обоз был лакомой добычей. После первого же жестокого разграбления обоза в мае Радимир удвоил число гридей в своей дружине, хотя это и означало серьезный подъем платы

¹ Гридь – в Древней Руси княжеский дружинник.

за сопровождение. Но он категорически отказывался рисковать жизнями своих людей и доверившихся ему торговцев, не говоря уже о потере ценных товаров и выкованной еще дедом репутации.

С тех пор Радимир успел два раза сходить к морю и назад, миновав встречи с безжалостной шайкой, но, по чести говоря, не верил, что их отпугивала удвоенная охрана. Скорее причина была в том, что он не позволял обозу оставаться в облюбованном ею лесу на ночь и успевал, нещадно гоня коней и не слушая возражений, добраться до заставы затемно.

Но в третий раз, как часто бывает, все пошло не по плану. И ведь сердце Радимира чувало такой исход загодя, но когда сам государь назначает тебя главой своего обоза, отказаться – смерти подобно. И хорошо еще, если не буквально. Хотя от царя Белояра, получившего в народе, несмотря на грозное имя, прозвище Робкий за вечно дрожащие пухлые пальцы и тонкий голосок, повторяющий приказы за боярами, подобной решимости трудно было ожидать.

Поэтому, когда Радимира вызвали во дворец и оповестили о возложенной на него чести, тот лишь покорно склонился в глубоком поклоне, про себя уповая на милость Господа.

Но сейчас, слушая доносящееся из чаши глухое и протяжное, как глумливый смех, карканье, он поймал себя на том, что рука будто сама собой опустилась на рукоять меча.

Аксинья, услышав глухое и протяжное, как глумливый смех, карканье, отодвинула пальчиком плотную занавеску на окне повозки, но не увидела ничего, кроме стены из корявых стволов и непроглядной тьмы в глубине чащобы.

– Не к добру это, ох не к добру, – пробормотала она и закусилла нижнюю губу.

Она сбилась со счета, сколько раз за прошедший день обозный глава, грозный и молчаливый, но с добрыми глазами, просил царя Белояра, едущего в соседней повозке, разрешить погнать лошадей, чтобы успеть к сумеркам до заставы. Но государево величество были непреклонны, и Радимир всякий раз отъезжал на своем серебряном коне красный от досады и с отчетливой искрой страха в голубых глазах.

Аксинья, чье сердце при взгляде на него тоже обмирало в неясной тревоге, пару раз попыталась поговорить с царевной, чтобы та повлияла на батюшку. Но Елена лишь отмахивалась, не желая слушать суеверную служанку, и продолжала с мечтательной улыбкой перебирать купленные царем бесчисленные колечки и сережки, каменья, жемчуга и рулоны заморской ткани, отражающей свет, как полированный металл. И если среди них затесались несколько даров от плененных красотой юной царевны гостей со сватовства их приморского соседа, то об этом никому, кроме самой Елены да ее личной служанки Аксиньи, знать не полагалось.

Аксинья и юная царевна были ровесницами, но Елена в свои четырнадцать уже успела прослыть на все Беловодье и близлежащие земли распускающимся бутоном, что через пару лет будет сражать наповал всякого юношу и мужа. Темные волосы струились ей за спину беспокойной рекой, нежный персиковый румянец оттенял точеные скулы, а любой заглянувший в ее огромные очи в окружении густых ресниц рисковал безнадежно заплутать в их черных, как колодцы, глубинах.

Рядом с ней Аксинья со своей русой косой, еще по-детски округлыми щеками, вздернутым носиком и светлыми, как выцветшее в жару небо, глазами чувствовала себя невидимкой. Но ее мама, пять лет назад скончавшаяся от горячки вместе с царицей Ольгой, на наивную жалобу маленькой дочки только рассмеялась и сказала, что она должна радоваться, ведь, пока ее никто не видит, она видит всех. Женщины в их роду уже больше века служили при царицах и

царевнах Беловодья, исполняя кроме очевидных обязанностей еще и тайное дело по их защите от всякой угрозы, из-за чего в складках их одежд день и ночь прятались острейшие клинки, пузырьки с разными снадобьями да прочие полезные мелочи. А потому и ведали они много больше обычных людей, пусть эти накопленные за многие поколения знания прекрасная Елена и называла «бабкиными суевериями».

Чьи-то быстрые шаги заставили Аксицию снова повернуться к окну и потянуться к спрятанному на поясе кинжалу. Но увидев знакомую белобрысую голову с усыпанным крупными веснушками курносый носом, она быстро вдохнула, и ее рука, так и не коснувшаяся рукояти, метнулась к виску и заправила за ухо выбившуюся из косы короткую прядь.

Иван, младший сын Макара, одного из самых зажиточных купцов Беловодья, сбавил шаг перед окном их повозки и, подстроившись под ее ход, легонько поклонился выглядывающей в щелку Аксиции.

– Обозный глава просил передать, что саженой через тридцать будем останавливаться на ночлег, – сообщил он слегка ломающимся голосом.

Аксиция, забыв на миг о смущении, отдернула занавеску и едва не высунула голову в окно.

– На ночлег? – не поверила она. Ее взгляд перепрыгнул с лица Ивана на черный лес позади него. – Мы не доедем до заставы?

Юноша, сокрушенно поморщившись, мотнул головой.

– Никак не успеваем, барышня.

Аксиция слегка зарделась от непривычного обращения, но удержала мысли на главном.

– Но в этом лесу орудуют разбойники!

Иван хотел что-то ответить, но так и застыл с приоткрытым ртом. Заметив краем глаза какое-то движение, Аксиция моментально поняла, в чем причина: Елена, привлеченная разговором, оставила свое мягкое ложе из перин, занимавшее большую часть повозки. Сместившись к окну, она одарила купеческого сына чарующей улыбкой, от которой тот запутался в собственных ногах и едва не упал плашмя на обочину.

Царевна, прикрыв рот кончиками длинных тонких пальчиков, засмеялась колокольчиком и пожурила Аксицию:

– Какие разбойники, глупая, когда у нас столько защитников! Нам и бояться-то нечего, верно, Ванюша? – добавила она, снова затрепетав ресницами.

Иван со щелчком захлопнул рот, быстро закивал и забормотал:

– Да, конечно, барышня... то есть царевна... то есть...

Покраснев до корней волос, он сложился пополам в поклоне, почти ткнувшись носом в дорогу, и убежал вперед, не оглядываясь.

Елена коротко хохотнула и, смахнув за спину темные кудри, посмотрела на потупившуюся служанку.

– Не расстраивайся, Ксюня, на что тебе этот купеческий дурашка? Вот, – она взяла ее за руку и вложила в ладонь ниточку жемчуга, – возьми себе и не печалься. Глядишь, и тебя кто другой, поинтереснее да покрасивше приметит!

И она вернулась к сундучку с украшениями.

Аксиция резким движением задернула занавеску, старательно отгоняя мысль о том, что подаренный ей жемчуг был самым мелким и невзрачным из всех лежащих в нем.

Половина костров потухла, а пламя оставшихся трепетало так рьяно, что в их неровном свете было совершенно не разобрать, где разбойник, а где дружинник, обозный или царский.

Иван закрутил головой, щурясь в темноту. Всполохи огня, отражающиеся в лезвиях мечей и ятаганов, сбивали с толку. Где отец? Где Павел? Федор? Они же только что сидели здесь, но там, где еще недавно трещал костер, сейчас дымили растоптанные и быстро остывающие ветви.

Слева кто-то громко охнул и вскрикнул, да так знакомо, что сердце Ивана сжали ледяные пальцы страха, а ноги сами собой рванули в ту сторону. Глаза, вдруг став зоркими, как у сокола, различили родную широкоплечую фигуру брата, вместе с Радимиром и еще одним дружинником отбивающуюся от сразу четырех худых и вертких разбойников, закутанных с ног до головы во все черное. За их спинами Макар и Федор пытались затянуть тряпками хлещущие кровью раны на животе царского, судя по наручам, дружинника – Иван с ужасом узнал Глеба, с полдня ехавшего с Павлом во главе обоза, вредного и спесивого мужика, без конца ворчащего из-за всего, на что только ни падал его взгляд.

Иван только начал примеряться, с какого бока заскочить в драку, когда Радимир, припадающий на правую ногу, из бедра которой торчал обломок древка стрелы, мощно подрубил одного разбойника, он тут же рухнул, бездыханный, а Павел ловкой подсечкой сбил с ног еще одного, уравнивая их шансы.

Вдруг, перекрыв общий лязг, крики, обрывочные ругательства, треск ломающегося дерева и испуганное ржание лошадей, воздух пронзил девичий визг.

Голова Ивана повернулась в сторону середины обоза, где были царские повозки, и он сам не понял, как уже метнулся туда, не разбирая дороги.

– Иван! – на два голоса полетел ему в спину зов братьев, заглушенный отцовским отчаянным кличем:

– Ваня, стой! Ванюша, назад!

Но новый визг затмил разум и еще пуще подхлестнул ноги. Обогнув обозного дружинника, кинжалом и кулаками отбивающегося от двух врагов, и перепрыгнув через два неподвижных тела, Иван вскинул голову. Царские повозки за время свары сдвинули почти к самым деревьям, а освободившееся пространство усеивали убитые и раненые дружинники – за последними зорко следили вооруженные ятаганами разбойники. В центре получившейся поляны стоял на коленях и в мольбе бился челом об землю грузный мужчина – Иван лишь по дорожному кафтану, расшитому золотой нитью, узнал своего царя. Но ужаснуться его непотребному поведению не успел, отвлекшись на крики двух девушек, которых негодяи в черном в восемь грязных рук силком вытаскивали из повозки.

Вскипевшая кровь ударила в голову, и Иван вскинул руку с мечом, готовясь идти на таран, а дальше – будь что будет.

Но в следующий миг что-то врезалось в него с правой стороны, да с такой силой, будто с замаха запустили главным колоколом с храмовой колокольни, и ноги Ивана оторвались от земли. Он рухнул на дорогу, как спиленное дерево, ударившись левым плечом, противно хрустнувшим и немедленно онемевшим от дикой боли, и головой, аж в глазах потемнело.

Иван не знал, сколько так пролежал, почти бездыханный, наверное, секунд десять, но когда зрение начало к нему возвращаться и сквозь надрывный гул в ушах стали просачиваться звуки, он первым делом увидел отца, стоящего на коленях перед одним из разбойников и умоляющего его срывающимся голосом:

– Все берите, все забирайте, только не троньте сына! Не троньте Ванюшу, Богом прошу!

Разбойник – он единственный не носил накидки, выставляя напоказ бесчисленные ножи и кинжалы, и держал в каждой руке по ятагану – наклонился к самому лицу Макара и сощурил глаза, похожие на провалы из-за толстой ленты сажи от виска к виску.

– Мы и так все заберем, – промурлыкал он, растянув тонкие губы в жестокой улыбке. – И твоего разрешения не спросим.

Сверкнуло, поймав свет чудом не затоптанного костра, испачканное в крови лезвие и вонзилось прямо в сердце купца. Макар придушенно всхлипнул и повалился на бок. Заглянув в его стекленеющие глаза, Иван распахнул рот, но крик застрял в горле. Словно было не лето, а середина студенной зимы и погибельный мороз ледяными кандалами сковал его голос и душу. Перед глазами снова все поплыло, то ли от удара об землю, то ли от слез – Иван не мог сказать.

Он услышал глухой окрик, и убийца отца развернулся, разочарованно скривился, но послушно вскинул руки и отошел в сторону, уступая место вышедшему из-за стволов высокому молодому мужчине с копной черных волос до плеч. Он тоже был одет во все черное, но угасающий взгляд Ивана притянул к себе широкий кожаный ремень, отделанный под чешую, с большой серебряной пряжкой в виде трех скалящихся голов какого-то змееподобного чудища.

Атаман разбойников прошел мимо неподвижного Ивана, даже не взглянув на него, а у того и сил не осталось, чтобы чем-то ему помешать. Да и заледеневшая душа уже ничего не желала, только вечного и свободного от боли забвения.

Последнее, что он услышал, как царь жалобным голоском, захлебываясь и всхлипывая, молил о пощаде:

– Все-все ваше, что захотите – все отдам, только пощадите, только не убивайте!..

Атаман в ответ раскатисто захохотал, а отсмеявшись, спросил:

– Говоришь, все, что захочу, – все отдашь? Даже царевну мне в жены вместе со всем царством в приданое?

Глава 1

Прошло два года...

Аксинья стояла у окна дворца, устало прижав лоб к раме, и бесшумно вздыхала, не узнавая родного города.

Утром после той злополучной ночи в дремучем лесу обоз, потерявший почти всех дружинников убитыми и ранеными, вошел в ворота пограничной заставы под охраной и с командой совсем иных людей, и вместе с ним все Беловодье впустило в себя тьму.

Сначала ее ростки были малозаметны для простого люда, разве что имеющие хождение во дворец зашептались о новых дружинниках, внешностью и повадками больше похожих на разбойников, и что у царя появились новые советники, которым он слова поперек молвить не смеет, даже бояр разогнал, препятствующих новым порядкам. Но ростки пустили корни в благодатную почву царского малодушия и себялюбия, опутали цепкими лозами тех бояр, чей слабый дух с жадностью ухватился за обещания богатства и власти, и полезли из всех щелей непокорными сорняками. Горожане и оглянуться не успели, как ограждающая Бряжск стена, уже давно за долгие годы без войн почти не используемая, закишела вдруг вооруженными до зубов суровыми гридями, никого не пропускающими и не выпускающими без особого разрешения, стоившего непомерной для семьи того же плотника суммы. Посадских почти всех заставили перебраться внутрь, оставив лишь горстку ремесленников, зависящих от вод Белицы, да пахарей. Подать возросла в разы, еды и других необходимых вещей не хватало, потому что если местные купцы еще собирались в обозы – надо же было как-то кормить семью, – то иноземные торговцы отныне огибали Беловодье стороной, опасаясь быть ободранными до нитки еще на дорогах, отданных на жестокую потеху подручным Змея, нареченного царевны Елены, а значит, будущего царя.

Никто не знал настоящего имени атамана разбойников, только что родом он откуда-то с южных гор, где тоже промышлял грабежами, пока местные его не прогнали. Что с ним произошло потом, как он собрал вокруг себя шайку головорезов, с которыми даже царские дружинники не смогли сладить, – то никому не было ведомо.

Мысль о проклятом Змее заставила Аксинью выпрямиться и продолжить путь по прохладным коридорам дворца в сторону комнат царевны.

Она до сих пор корила себя, что не смогла защитить той ночью Елену, хотя умом понимала, что ей было никак не справиться с оравой разбойников, а попытки сопротивления только бы их разозлили. Когда их с царевной вытаскивали из повозки, Аксинья еще надеялась на помощь дружинников, говорила себе, что они просто заняты боем, но обязательно всех одолеют и придут на помощь. Стыдно признать, но у нее затрепетало сердце, когда она краем глаза уловила, как к ним, замахиваясь мечом, бежит Иван. Но в следующий миг один из разбойников врзался ему в бок, швырнув юношу на утопанную землю и оглушив беднягу до неподвижности.

Тогда же Аксинья заметила лежащие вокруг тела со знакомыми по встречам во дворце лицами, сейчас изуродованными ликом смерти, и если бы не мамина жесткая выучка, ее душа точно бы со страху упорхнула в небо.

Пока она в ужасе пыталась собраться с мыслями и придумать, как спасти Елену и съездившегося посреди дороги царя, подбежал купец Макар, отец Ивана, и принялся умолять сбившего сына с ног разбойника не трогать его, обещая взамен отдать все, что у него есть.

Аксинья за пронзительным визгом царевны не расслышала, что наклонившийся к Макару разбойник ему сказал, но в ее памяти навеки отпечталось, как лезвие ятагана как молния пронзило сердце стоящего на коленях купца и так же стремительно его покинуло. Как по льняной рубахе начало быстро расплзаться темное пятно. И как Макар повалился на бок с

той особой тяжестью и неодолимостью, с какой падают только мертвые, потому что лишенное души тело всегда тянется к матушке-земле в поисках вечного покоя.

Потрясенная хладнокровным убийством невооруженного купца, Аксинья впала в ступор, даже о своей барышне думать забыла, хотя у нее и звенело в ушах от ее криков о помощи. Глаза Аксиньи металась между телами купца и его сына, одинаково неподвижными, и ее сердце пропустило удар от страшной мысли, что Иван тоже мертв. Но затем она с облегчением заметила трепет его светлых ресниц, ловящих блики от костра, и как дрогнули его пальцы, бессильно потянувшись к лежащему рядом мечу.

А затем что-то изменилось, и Аксинья невольно повела взглядом по сторонам, пытаясь понять, что привлекло ее внимание.

Тишина. Нет, по обе стороны от них еще слышалось клацанье металла, хриплые вопли и топот, но Елена внезапно осеклась на полуслове, а сторожащие их разбойники примолкли и все как один повернулись к лесу. Оттуда, важно чеканя шаг, выходил молодой чернобровый мужчина с темно-серыми, как угли, глазами и бородкой вокруг тонкогубого рта, растянутого в довольной ухмылке. Весь его облик источал самоуверенность и жестокость, и Аксинья тотчас поняла, что к ним направлялся атаман.

Разбойник, убивший Макара, на окрик появившегося мужчины недовольно вскинул руки, но убрал ятаганы в ножны и встал чуть поодаль.

Царь же при виде атамана пал ниц и заголосил о пощаде и что он все-все отдаст, только бы его не убили. Его слова для ушей Аксиньи звучали как искаженное эхо мольбы Макара, но если купец просил за сына, то Белояр лил слезы о себе, обещая убийцам своих дружинников и подданных, служивших ему верой и правдой, золотые горы в обмен на свою жизнь. И от этой дикости душа Аксиньи съживалась, а сердце наполнялось прогорклой горечью, и хотелось броситься в растопленную добела баню, чтобы выпарить из себя всю эту скверну под хлесткими березовыми вениками, а затем еще долго обмываться в быстрой речке.

Поэтому Аксинья почти не удивилась, когда на насмешливое предложение атамана отдать ему в жены Елену со всем царством в приданое царь поколебался всего мгновение, да и то чтобы облизнуть пересохшие и посиневшие со страха губы, после чего закивал и, схватив руку остоленевшей дочери, рывком протянул ее атаману.

– Твоя! Бери в жены! Вместе с царством! Только не убивай!

Тот медленно перевел взгляд с Белояра на Елену, которая не то что больше не кричала, казалось, дышать перестала, хмыкнул, правой рукой взял ее дрожащую ладонь, а левой перехватил запястье царя и крепко сжал, так что тот взвизгнул.

– Слово царя – закон. Помни свое обещание, как мы все вместе с небом и землей будем его помнить.

Аксинья боялась представить, что будет дальше, но, к ее великому удивлению, атаман – которого все звали Змеем – помог сначала встать Елене, затем царю, после чего было приказано всем сложить оружие. Разбойники никого из обозных больше не трогали, но с ранеными и убитыми не помогали, а товары в повозках все равно проредили, ехидно объясняя это данью за такого видного жениха для царевны. Никто из купцов и оставшихся в живых дружинников не сопротивлялся, не только потому, что царь запретил, но и потому, что сил на это не осталось: кто еще держался на ногах, помогал лежащим и стонущим и сносил безжизненные тела в одну из освобожденных повозок. Аксинья многое бы отдала, чтобы помочь посеревшему от горя Павлу и беззвучно плачущему Федору, когда они склонились над отцом всего на пару секунд, дольше им попросту не дали, а затем, пока тем занялся прихрамывающий Радмир с одним из своих дружинников, в четыре руки осторожно подхватили оглушенного младшего брата и унесли. Но Елена после того, как Змей отпустил ее ладонь, впилась в руку Аксиньи мертвой хваткой и не отпустила, даже когда им позволили вернуться в повозку.

Видя, как глаза царевны в панике мечутся по сторонам и как она вздрагивает от любого звука, Аксинья ее пожалела и дала выпить успокаивающей настойки. Елена еще с полчаса дрожала в углу своего ложа, пока ее наконец не сморил глухой сон. Аксинья же просидела рядом с ней до утра, не сомкнув глаз и не выпуская из руки кинжал.

За оставшиеся часы до рассвета она успела надумать немало ужасов для своей барышни, но поутру Змей объявил, что свадьбу играть рано, пусть его невеста расцветет на зависть соседям и всему миру, а он пока займется обустройством своего будущего царства. Аксинья тогда покосилась на безмолвно стоящего рядом с атаманом царя, но тот лишь молча потер дрожащими ладошками одутловатые щеки, потупив трудно различимые под тяжелыми веками глаза.

Если жизнь простого люда с того дня изменилась значительно и совершенно точно не в лучшую сторону, то царская семья и те бояре, чью дальнейшую службу одобрили наместники Змея, не знали ни малейших стеснений и неудобств. Разве что Белояр отныне зачитывал приказы, написанные иной, чем прежде, рукой, но как раньше знать не знал, что происходит в его царстве, так и теперь ведать не желал. Змей тонко играл на его недалекой, самолюбивой натуре, и, пока жители стольного града задыхались под гнетом новых царских дружинников и бесконечных чинов, обдирающих их до последнего платя и пшеничного зернышка, тщательно следил за тем, чтобы во дворце всегда было сытно и полно даров. Ибо даже в крови самого бездарного и трусливого царя при достаточных неудобствах мог разгореться праведный огонек, что всколыхнет народ против супостата.

Елена же, как и предсказывал ее нареченный, продолжала хорошеть день ото дня, но стала задумчива и неулыбчива и редко покидала свои комнаты, а последние месяцы так даже Аксиньи начала чураться, приказала навесить замок на чулан в своей опочивальне, снесла туда разных вещей, устроив что-то вроде гнезда, и запретила кому бы то ни было туда заходить.

Аксинья, боясь за барышню, этой весной не выдержала и, вопреки маминым заветам, показала ей содержимое своего сундука, полного разных снадобий и настоек, как целебных и наоборот – вызывающих всевозможные телесные и душевные страдания, так и с особым действием, например, расслабляющих язык и разум и навевающих неумолимый сон. Но Елена рассеянно ее выслушала, почти не следя за руками Аксиньи, указывающими на тот или иной пузырек, и ушла к себе, ни разу больше об этом не вспомнив.

Замкнутость и молчаливость барышни пугали Аксинью, и она страшилась того дня, когда Змей явится за своей невестой. А вдруг царевна решится на непоправимое, лишь бы избежать участи жены разбойничьего атамана?..

Аксинья ускорила шаг и потрясла головой, прогоняя терзающие душу видения. Распрямив плечи и навесив на лицо улыбку, она кивнула двум дежурным дружинникам, сторожащим дверь в комнаты царевны, и зашла в светлицу.

Елену, как и положено, с малых лет учили рукоделию, но царевне было не по нраву часами просиживать с иголкой, как бы мать-государыня ее ни ругала. Сама покойная Ольга прославилась первой мастерицей всего Беловодья, и шитые ею иконы до сих пор украшали многие дворцовые и боярские молельни. В сундуках светлицы и сейчас хранились вышитые ею платки и скатерти, но Елена после смерти матушки, едва беря в руку иголку, заливалась горячими слезами, и придворные боярыни сжалились над ней. Втайне от царя они наказали дочерям и невесткам отдавать лучшие образцы рукоделия, чтобы Елена могла преподнести их на суд батюшки как свои. Вот и сейчас на столе лежали пяльцы с незаконченным изображением золотой птицы посреди яблоневого сада, на случай, если государь вдруг решит проверить, чем царевна занимается и не посрамит ли его перед будущим супругом. Над этой вышивкой по утрам работала пожилая постельничая, чьего рукоделия за последние пару лет набралось на целый сундук приданого.

Окинув быстрым взглядом безлюдную светлицу – после прихода во дворец людей Змея многих боярынь прогнали со двора вместе с мужьями, другие из страха сами перестали прихо-

дить, – Аксинья направилась к дальней двери в опочивальню царевны. Деревянный пол светлицы устлала толстые ковры, поэтому шагала она бесшумно, и дверь отворила тихонечко, боясь потревожить Елену, если та вдруг надумала прилечь.

Взгляд Аксиньи немедленно уперся в окно напротив, где на широком подоконнике сидел большой ворон с лоснящимися перьями, острыми, как сабли, когтями и блестящими обсидиановыми глазами. При виде Аксиньи ворон захлопал крыльями, распахнул огромный черный клюв и издал истошное:

– КА-А-АППП!!!

– Барышня! – похолодев от страха, закричала Аксинья и бросилась к окну, перед которым – только руку протяни до птицы – стояла спиной к двери царевна.

Ворон спрыгнул с подоконника и, громко каркая, улетел прочь, а Елена, вздрогнув, развернулась и прижала к груди стиснутый правый кулачок.

– Ксюня! Ты меня напугала!

– Барышня! – Аксинья схватила царевну за плечи и торопливо осмотрела ее с ног до головы. – Вы не ранены? Он вам ничего не сделал? Проклятая птица!

– Не голоси так, Ксюня, все хорошо, я как раз сама собиралась его прогнать, – укорила Елена, высвобождаясь из рук служанки.

Аксинья, не успокоенная ее заверениями, выглянула в окно и внимательно посмотрела по сторонам. Вороны за последние два года стали настоящим бичом Бряжска, вечно сбивались в стаи, кружа над улицами грозowymi тучами и пугая жителей загробным карканьем. Дворцовые сады и крыши теремов ими буквально кишели, и Аксинья уже со счета сбилась, сколько раз гоняла назойливых птиц от окон царевны, но как она ни упрашивала барышню их закрывать, та всегда возражала, жалуясь на невыносимую духоту.

Елена, спрятав руки в широкие рукава летника, направилась было к узкой дверце у круглой печи, ведущей в бывший чулан, когда внимание девушек привлек торопливый топот.

– Барышня! Барышня! – донесся до них далекий зов. Аксинья узнала ломающийся голос тринадцатилетнего отрока Васи, гоняемого дружинниками и придворными чинами посыльным по всему дворцу. – Царевна!

Встревоженная его испуганными нотками, Аксинья выбежала из опочивальни и бросилась к выходу из светлицы. Приоткрыв дверь, она встретилась глазами с раскрасневшимся и тяжело дышащим после долгого бега мальчиком и требовательно спросила:

– Что такое? Ты почему так кричишь?

– Аксинья!.. – Взгляд Васи метнулся ей за плечо, и при виде вышедшей в светлицу Елены он торопливо поклонился и зачастил: – Барышня, государь вас просит, говорит бежать немедленно в Думную палату!..

– Что случилось? – нетерпеливо спросила Аксинья. Если бы царь хотел просто повидаться с дочерью, он бы позвал ее в свои личные комнаты, а не в палату, где заседали бояре и куда приходили для челобитья.

– Не могу знать, – снова мотнул головой в неловком полупоклоне Вася. – Они письмо от гонца получили...

– От гонца?.. – повторила Аксинья.

Вася быстро стрельнул глазами на Елену, остановившуюся в трех шагах от двери, и у Аксиньи сжалось сердце от внезапного страшного озарения. Она обернулась на царевну. Та смотрела куда-то в пол, и по ее бледному, будто высеченному из мрамора лицу было ничего не понять.

– Барышня! – поторопил, переступая с ноги на ногу, Вася. Пугливо покосившись на стоящих по бокам гридей, он понизил голос, словно это могло уберечь его от затрещины: – Государь гневаться изволит, поспешите, пожалуйста!

– Раз батюшка зовет... – Не договорив, Елена отгеснила плечиком Аксиныю от двери и быстро зашагала по коридору, на ходу заплетая распущенные волосы в тугую косу через плечо.

Аксиныя и Вася поспешили за ней.

– Почему государь гневается? – наклонившись к оттопыренному уху низкорослого отрока, тихо спросила Аксиныя.

Тот скороговоркой зашептал:

– Бунтари опять разбушевались, за ночь обнесли подчистую склады боярина Федотова, золото-серебро забрали, а мешки с пшеном на улицу выставили, ну народ все и растащил, а куда деваться, у меня самого дядька уже полгода едва-едва на булку черствого хлеба в день наскребают, а ему жену и троих мелких кормить надо. Дружинники, конечно, прибежали, айда в дома ломиться, требовали все отдать, только все ж ученые, запрятали так, что ни в жизнь не найдешь, хоть полы вскрывай и стены разбирай. – Он боязливо оглянулся. – Только Федотов-то змейщиков у себя постоянно привечает, застолья щедрые устраивает, вот и нажаловался, да так, что теперь сам государь рвет и мечет.

Сердце Аксиныи пустилось в испуганный галоп уже по совсем иной причине. Все внутри крепостных стен знали о неуловимой шайке юношей, охочих до складов и погребов бояр, присягнувших на верность людям Змея и с огромным удовольствием набивавших карманы за счет бедствующего простого люда. Себе ребята оставляли совсем ничего, в основном добычу раздавали. Аксиныя, да и не она одна, подозревала, что лишь благодаря их помощи треть жителей Бряжска пережила прошедшую суровую зиму.

Конечно, их пытались ловить, но кто-то из дружинников, а возможно, и не один, очевидно, втайне сочувствовал бунтарям, потому что, сколько облав на них уже ни устраивали, все было бесполезно: они какое-то время вели себя тише воды ниже травы, чтобы затем, выбрав подходящий момент, растрясти жирок с очередного бессовестного боярина.

Но сердце Аксиныи грозило вырваться из груди вовсе не из-за сожалений о потерянном пшене предавшего ради корысти свой народ Федотова – будь ее воля, она бы этого напоминающего колобка старика с маслянистыми глазками и сгнившими зубами давно бы пустила по склону прямо в Белицу. Хоть бунтари и тщательно скрывали свои лица и никто доподлинно ничего о них не знал, но ходили слухи – и между дружинниками в том числе, кого Аксиныя регулярно подслушивала, – что собрал их и с тех пор возглавлял младший сын купца, убитого одним из змейщиков во время нападения на царский обоз два года назад.

К этому моменту они уже подошли к одной из боковых дверей, ведущих в Думную палату из внутренней части главного терема. Стоящий здесь гридь кивнул им и, сделав шаг вбок, приоткрыл резную створку.

Доносящийся из-за нее невнятный галдеж разросся до гневных восклицаний, от которых зазвенело в ушах:

– Неслыханная наглость!..

– Пора приструнить этих негодников!..

– Не могут они все сами, их кто-то покрывает!..

– Найти и всех казнить!..

– Казнить! – повторяя за кем-то, перекричал всех Белояр.

Яростно потрясая кустистой рыжей бородой, он несколько раз треснул пухлым кулаком по подлокотнику своего кресла. Благодаря рундуку он возвышался над всеми боярами, сидящими на пристенных лавках. Слева от него, согнувшись в почтительном полупоклоне, стоял Тихон, один из ставленников Змея, коренастый мужичок, напоминающий повадками холеную крысу, такой же лоснящийся и весь в шелках, но с взглядом мерзкого хищника, готового в любой момент выпиться недругам в глотку.

– Казнить! – повторил царь в воцарившемся мрачном молчании.

– Но, государь, – осторожно начал один из бояр, сидящих в дальнем углу, – уже год весь наш славный Бряжск страдает от набегов этих бунтарей, но дружинники ни одного так и не поймали, все отмахиваются, что одними подозрениями да слухами вины не докажешь...

– Чушь! – отрезал Белояр, еще пуше распалаясь. – Чушь и похабная лень, и они все будут наказаны за неповиновение своему государю!

Заметив тихонько зашедших в боковую дверь Елену с Аксиньей, царь слегка привстал.

– А-а! Елена! Возрадуйся! – Он снова повернулся к боярам и обвел коротким, как обрубок, пальцем палату. – Вы все, ликуйте! Гонец принес благую весть! Через пять дней суженый моей дочери-красавицы наконец прибудет на долгожданную свадьбу!

Аксинья ожидала услышать нечто подобное, но у нее все равно едва не подкосились колени. Она быстро глянула на Елену, но лицо потупившейся царевны было словно маска, неизменно прекрасная и холодная, как сама смерть. И только руки ее, прячущиеся в длинных рукавах, без конца трепетали, будто что-то перебирая.

Бояре принялись на все лады поздравлять царя и царевну, желая той счастья и здоровых статных сыновей.

Белояр слушал их, благосклонно кивая, а когда поток хвальбы начал иссякать, Тихон что-то быстро шепнул ему на ухо, и царь, умасленный медовыми речами, уже спокойно продолжил:

– Я обсуждал с моим будущим зятем состояние дел в нашем стольном граде, и он заверил меня, что после свадьбы лично займется наведением порядка. Мы положим конец этому непотребству и непослушанию раз и навсегда!

– Но, государь, – подал голос боярин из другого угла, – что они могут, коли все наши дружинники...

– Казнить! – снова повысил голос Белояр. – Казнить всех, кто попал под подозрение!

Бояре оторопело переглянулись. Аксинья тоже распахнула глаза, не веря своим ушам.

– Всех?.. – осмелился кто-то переспросить.

– Всех! – отчеканил царь. И покосился на Тихона, а после его быстрого кивка воодушевленно продолжил: – Всех до единого! Вместе с мамками и батьками, воспитавшими бунтарей, всю негодную семью, чтобы другим неповадно было! И отныне! – взвил он к потолку указательный палец, украшенный большим перстнем. – Все, кто посмеет роптать на своего государя и наши приказы, – все будут казнены! Такова наша воля!

У Аксиньи зашумело в ушах, и она больше не слышала жалких протестов отдельных бояр; большинство же сидящих по лавкам прятали под усами довольные улыбки, уже прикидывая, кто и как будет распределять освободившееся после казни хозяев добро.

Аксинья знала одно: через пять дней ее барышню выдадут за безжалостного атамана разбойников, после чего по улицам их и без того измученного города кровь потечет рекой. Она уже давно ломала голову, как спасти Елену и все царство от Змея и его подручных убийц. Если у нее и был шанс при должной ловкости и удаче исподтишка справиться с самим атаманом, то его разросшееся за последние два года войско головорезов, лишившись вожака, наверняка пустится во все тяжкие, а такой грех на душу она взять не могла. Какие бы решения Аксинья ни перебирала, она раз за разом приходила к одному и тому же неутешительному выводу: Белоюде и Елену могло спасти только чудо.

И лишь она знала, как его призвать.

Глава 2

Иван осторожно выглянул за край крыши и, убедившись, что патрульный дружинник скрылся из виду, спрыгнул на мостовую. Деревянные плахи слегка прогнулись под его весом, но не издали ни звука.

Ночь опустилась на Бряжск, безоблачная и теплая. Два года назад в этот час на его улицах, особенно вблизи торговища и домов зажиточных ремесленников, еще царило бы оживление, но сейчас с наступлением сумерек никому не хотелось жечь масло и свечи, ставшие непомерно дорогими, да и настроения в городе были слишком угрюмыми и подавленными, чтобы ходить по гостям и веселиться под открытым небом.

Иван, с одной стороны, тосковал по прежнему Бряжску, с другой же – густые тени служили ему и его верным приятелям серьезным подспорьем в их подпольной борьбе против новых бесчеловечных порядков и предателей простого народа. У него были большие планы, как заставить страдать этих бездушных бояр, продажных чинов и подручных проклятого Змея, и тогда вчерашнее опустошение складов Федотова покажется им невинной забавой.

Свернув за угол на протоптанную между соседскими заборами дорожку, он юркнул в калитку и прокрался к крыльцу крепкой двухэтажной избы, срубленной еще его дедом Енисеем, тоже купцом, но в свободное время не чуравшимся любой тяжелой работы, особенно если надо было бревна потягать да что-нибудь построгать. Но тихий разговор, доносящийся из дальнего угла двора, заставил его замереть и обратиться в слух.

Иван быстро распознал голоса братьев и глухие раскаты Радимира и невольно поморщился.

После прихода в Бряжск людей Змея все обозные дружины расформировали за ненадобностью: теперь торговцев, число которых при новых порядках заметно сократилось, сопровождали – и обдирали – змейщики. Многие тогда перешли в царскую дружину и теперь патрулировали улицы и крепостную стену, став, по сути своей, тюремщиками горожан. Когда Иван впервые увидел на руках Радимира царские наручи, то едва не кинулся на него прямо посреди торговища, благо шедший рядом Павел успел схватить его сзади за воротник, оттащил в закуток и надрал от души уши: Радимиру нужно было содержать жену с маленькой дочкой да пожилых родителей, тут уж не до благородных порывов. Но Иван по юной горячности и обидчивости еще долго избегал старого друга семьи, которым когда-то так восхищался, пока в одну из своих самых первых вылазок в барский дом за собранным накануне непомерным оброком, уже выскользнув за ворота, не встретился взглядом с Радимиром, патрулировавшим соседнюю улицу. К тому моменту по городу уже поползли слухи о загадочных воришках, раздающих добытое богатство и съестное голодающим беднякам, и Иван внутренне похолодел, приготовившись услышать богатырский клич, что созовет дружинников со всей округи. Но Радмир, не меняясь в лице, просто отвернулся и пошел дальше, будто ничего не видел. Позже он не раз выручал Ивана и его друзей, отпуская их, не ловя, и даже, заходя по старой памяти в гости, за разговорами о том да сем как бы невзначай бросал намеки, у какого барина или чина и когда именно можно будет чем-то стоящим поживиться.

Иван, предположив, что неожиданный визит дружинника связан с крайне наглой даже по их меркам вылазкой на склад Федотова, уже собрался попятиться, чтобы не слушать упреков, что они слишком много на себя берут и обязательно попадутся, если не будут осторожнее. Но тут невнятное бормотание на три голоса прервал едва не ушедший в поросячий визг возглас Федора:

– Что значит «казнить всю семью»?!

Вздвигнув, Иван припал к земле и едва ли не ползком добрался до угла избы, чтобы не упускать больше ни единого слова.

Радимир, стоящий с братьями под старой, уже почти не плодоносящей яблоней, зашипел на Федора, после чего раздраженно дернул себя за бороду. В темноте Иван не мог разглядеть выражений лиц ни его, ни братьев, но по их напряженным плечам и тому, как Федор выкручивал себе руки в запястьях, было очевидно, что разговор был нелегким.

– Государь так сказал, – тяжело вздохнув, убито прогудел Радимир, – что отныне все, кто будет на него роптать и сопротивляться приказам, будут казнены. А до того подручные Змея, когда он через пять дней прибудет на свадьбу с царевной, казнят всех подозреваемых в бунтарстве вместе с родными, чтобы другим неповадно было.

– Но это же... – начал Павел, но не договорил.

Радимир кивнул и сокрушенно покачал головой.

– Я не знаю, о чем он думает. Даже не так: я не знаю, о чем думает этот змейский крысеныш Тихон, нашептавший ему на ухо такую подлость. Резать целые семьи от мала до велика из-за одних подозрений, без суда, просто потому, что кто-то на кого-то пальцем укажет? И ведь это будет только начало, потом же все друг на друга начнут поклеп наводить по первой же обиде, чтоб того казнили, а им все барыши! Это безумие, – простонал он.

Иван не верил своим ушам. Царь велел всех подозреваемых в бунтарстве казнить вместе с родными? Но... как он мог? Иван, конечно, понимал, что рискует, когда вместе с верными друзьями-ровесниками решил всеми способами противостоять гнету хлынувших в Бряжск разбойников и соблазненных легким обогащением бояр, но у него и в мыслях не было, что из-за его выходок мог пострадать кто-то еще кроме него самого. А теперь царь казнит его братьев? Его захворавшую сердцем мать, слегшую после убийства мужа и редко теперь находящую в себе силы подняться надолго с печи?

От ужаса он не мог пошевелиться. Что же теперь делать? Предупредить своих и самому затаиться? А какой смысл? Иван знал, что его давно подозревали, просто руки никак не доходили, а особо горячим и скорым на расправу дружинникам – не без подсказок Радимира – он старательно не попадался на глаза. Бежать-сдаваться? А это что-то изменит? Убережет родных? Но надолго ли, если царь не изменит свою жестокую волю?

Но если ему удастся выиграть отсрочку для братьев и матери, неважно, сколь долгую, – на год, месяц или несколько дней...

Не чуя собственного сердца, обмершего в страшном предчувствии, Иван тихонько попятился, не желая привлекать внимание Павла и Федора. Потому что они попытаются его остановить, убедить, что они что-нибудь придумают, защитят его и семью...

На левое плечо мягко легла чья-то ладонь, и он резко развернулся, рука метнулась к ножу на поясе, но запястье перехватили тонкие, цепкие пальцы. Приоткрывшийся рот зажала узкая ладонь, и Иван встретился с удивительно светлыми глазами, в чьих черных зрачках отражались щедро рассыпанные по небу звезды.

Иван сглотнул. Два года прошло с тех пор, как он в последний раз видел личную служанку царевны, но тотчас узнал, хотя ее лицо вытянулось, подбородок чуть заострился, но слегка вздернутый носик и широкий лоб остались прежними. Как и пристальный, ничего не упускающий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.